

Александр Иванович Куприн

Без заглавия

Александр Куприн

Без заглавия

«Public Domain»

1895

Куприн А. И.

Без заглавия / А. И. Куприн — «Public Domain», 1895

«Несколько лет тому назад я проводил летние месяцы на даче, вдали от пыльного, душного, наполненного суетой и грохотом города, в тихой деревушке, затерявшейся среди густого соснового леса, верстах в восьми от станции железной дороги. Туда только что начинали в то время показываться первые пионеры будущей дачной колонии, которая теперь совершенно заполнила это милое, уютное местечко франтовскими дачными костюмами, сплетнями, любительскими спектаклями, подсолнечной шелухой, фортепианными экзерсисами и флиртом. Теперь уже там нет ни прежней дешевизны, ни прежней тишины, ни пленительной простоты нравов...»

© Куприн А. И., 1895

© Public Domain, 1895

Содержание

I	5
II	7
III	9
IV	11

Александр Иванович Куприн

Без заглавия

I

Несколько лет тому назад я проводил летние месяцы на даче, вдали от пыльного, душного, наполненного суетой и грохотом города, в тихой деревушке, затерявшейся среди густого соснового леса, верстах в восьми от станции железной дороги. Туда только что начинали в то время показываться первые пионеры будущей дачной колонии, которая теперь совершенно заполнила это милое, уютное местечко франтовскими дачными костюмами, сплетнями, любительскими спектаклями, подсолнечной шелухой, фортепианными экзерсисами и флиртом. Теперь уже там нет ни прежней дешевизны, ни прежней тишины, ни пленительной простоты нравов.

Прежде, бывало, встанешь рано утром вместе с восходом солнца, когда росистая трава еще белеет, а из леса с его высокими, голыми, красными стволами особенно сильно доносится крепкий смолистый аромат. Не умываясь, накинув только поверх белья старое пальтишко, бежишь к реке, на ходу быстро раздеваешься и с размаху бухаешься в студеноую, розовую от зари, еще подернутую легким паром, гладкую, как зеркало, водяную поверхность, к великому ужасу целого утиногo семейства, которое с тревожным кряканьем и плеском поспешно расплывается в разные стороны из прибрежного тростника. Выкупаешься и, дрожа от холода, с чувством здоровья и свежести во всем теле, спешишь к чаю, накрытому в густо заросшем палисаднике в тени сиреневых кустов, образующих над столом душистую зеленую беседку. На столе вокруг блестящего самовара расставлены: молочник с густыми желтыми сливками, большой ломоть свежего деревенского хлеба, кусок теплого, только что вырезанного сотового меда на листе лопуха, тарелка крупной, покрытой сизоватым налетом малины. Около самовара хлопочет хозяйская дочка Ганнуся – черноглазая крепкая деревенская девочка, задорная и лукавая. И как радостно, как молодо звучит в утреннем чистом воздухе ее веселое приветствие: «Здоровеньки булы с середою, панычу!»

Целый день бродишь с ружьем и собакой по окрестным лесам и болотцам, ловишь с белоголовыми ребятишками у берега раков, тянешь с рыбаками невод и варишь с ними поздней ночью уху или сидишь с удочкой, закрывши от солнца голову соломенным брылем с полями в пол-аршина шириною, и следишь пристально за поплавком, едва видимым в расплавленном и дрожащем серебре реки. Домой возвращаешься усталый, перепачканный с ног до головы, но бодрый и веселый, с чудовищным аппетитом.

А поздним вечером, после того, когда возвратится в деревню стадо, пыля, и толпясь, и наполняя воздух запахом парного молока и травы, какое наслаждение сидеть у ворот и слушать и смотреть, как постепенно стихает мирная сельская жизнь!.. Все реже, тише и отдаленнее раздаются: то скрип колес, то нежная малорусская песня, то звонкое лошадиное ржанье, то возня и последнее щебетанье засыпающих птиц, то, наконец, те неведомые, загадочные, прекрасные аккорды ночной гармонии, которую каждый слышал и которую никто не мог ни понять, ни описать... Огни гаснут, в темно-синем небе загораются и дрожат ясные серебряные звезды... Сладкие, но неясные мечты, дорогие воспоминания теснятся в голове. Чувствуешь себя молодым, добрым и хорошим, чувствуешь, как стряхивается с тебя накипевшая за зиму городская скука, городское озлобление, все городские недомогания...

Теперь нет уже в моем мирном приюте ни неподдельного молока, ни масла без маргарина, ни чарующих буколических картин. В лесу прибиты роковые дощечки, запрещающие охоту и собирание грибов и ягод, по дорогам мчатся, согнувшись в три погибели, длинноно-

гие велосипедисты, на реке толкуются декольтированные спортсмены в полосатых фуфайках, а хозяйские дочери носят нитяные перчатки и давно уже переняли от интендантских писарей известный жестокий романс про «собачку верную – Фингала».

II

Когда я приехал в деревню на второе лето и с помощью Ганнуса устраивал свою комнату, Ганнуса, в числе прочих многочисленных новостей, объявила мне, что напротив их хаты, у Комарихи, наняли комнату «каких-то двое постояльцев», муж и жена.

– Осипивна каже, що вони вже десять роки, як поженулись. Він не дуже красивий, а вона така гарна, така гарна, як зиронька ясна... От самы побачите. Каже Осипивна, той пан десь там у городи за учителя. Каждынъ день по залізній дорозі издыть у город.

Часа два спустя, выглянув в окно, я увидел мою соседку. Маленький в четыре окна домик, весело выглядывавший белыми стенами из густой зелени вишен, слив, яблок и груш, был напротив нашего. Она сидела у открытого, полузавешенного легкими кисейными занавесками окна, в белой кофточке с ажурными прошивками на рукавах и груди, и, облокотясь на подоконник, читала книгу. У нее было одно из тех нежных, простых лиц, мимо которых сначала проходишь равнодушно, но, взглядевшись пристальнее и поняв их, невольно очаровываешься свойственным им смешанным выражением ласки, мечтательности и, может быть, затаенной страстности. Всех мелочей ее лица издали и с первого раза я, конечно, не мог разглядеть, но успел заметить ее пышные белокурые волосы, не завитые, а заброшенные назад, так что ее небольшой, заросший с боков блестящим рыжеватым пушком лоб оставался открытым; очень тонкие брови, гораздо темнее волос, с насмешливым и наивным в то же время надломом посредине, и маленькие розовые уши. Впоследствии я разглядел ее поближе: самой красивой чертой у нее были глаза – продолговатые, темно-серые и очень блестящие.

В начале шестого часа приехал муж блондинки, господин лет сорока, с типичной наружностью учителя: с растрепанной бородой, брюнет, в золотых очках, с усталым приятным лицом и тощей фигурой. Он приехал на простой мужицкой телеге, закутавшись от пыли в белый парусиновый балахон с капюшоном, прикрывавшим голову. Не успел он еще вылезть из своего неудобного экипажа, как жена выбежала ему навстречу, накинув по дороге на голову белый фуляр. Тут я разглядел ее фигуру: она была высока, стройна и гибка, точно сильно выросший подросток, несмотря на то, что ей по лицу можно было дать не менее двадцати семи – двадцати восьми лет. В то время как ее муж неловко перекидывал затекшие ноги через высокий бок телеги и осторожно сползал на землю, жена что-то оживленно говорила, смеялась и вынимала из телеги какие-то пакеты и свертки.

Вслед за блондинкой из калитки стремглав выскочил мальчик лет семи, очень на нее похожий, тоненький, бледный, вероятно, болезненный. Он с визгом бросился к отцу на шею и повис на ней, болтая в воздухе ножками, голыми по колени. Все трое пошли в хату.

Вечером я опять их видел. Муж в длинной синей блузе без пояса, вроде той, какую носят во время работы художники, сидел на корточках, нагнувшись над одной из крошечных клумб, разбитых в их палисадничке перед домом, и с сосредоточенным терпением что-то над нею делал. Я догадался, что он сажает цветочные семена. Сынишка его стоял около, заложив за спину руки, и внимательно следил за работой отца. Стройная фигура блондинки в белом платье показывалась то в доме, то в саду, и я невольно залюбовался ее грациозными, ловкими движениями. Один раз она подошла к мужу, и он, не вставая с корточек, поднял к ней вспотевшее и улыбающееся лицо и сказал ей несколько слов, указывая на свою работу. Она нагнулась к нему, сняла с него шляпу и вытерла его мокрый лоб носовым платком. Он на лету поймал ее руку и поцеловал.

«Нет, – подумал я, глядя на эту нежную и наивную сцену, – хотя дачное соседство и дает некоторые права на бесцеремонное знакомство, но я не буду искать его. Разве я посмею непрошеным вторжением в семью отнять у этого, такого славного, доброго на вид человека хоть самую малую часть его домашних радостей? Вместо того чтобы мирно копаться в своих

грядах, он принужден будет занимать меня разговором о винте, о погоде, о газетах, о здоровье, обо всем том, что ему, наверно, так давно уже надоело в городе. И, кроме того, – кто знает? – может быть, при ближайшем знакомстве этот славный и добрый человек превратится в педанта, в озлобленного неудачника, а мечтательная блондинка окажется сплетницей или генеральской дочерью с аристократической родней и жеманными манерами... Такие превращения не редкость».

Таким образом, решив в уме не пользоваться правами соседства, я предался своим обычным занятиям: охоте, рыбной ловле, купанью, чтению и в промежутках – созерцательному ничегонеделанию. Соседи тоже ничем не обнаруживали признаков особенно сильного желания познакомиться с моей особой, может быть, даже по соображениям, одинаковым с моими.

Тем не менее невольно я был свидетелем всех мелочей их жизни, и, должен признаться, эта жизнь зарождала порою в моей голове смутные желания своего собственного тихого угла и теплой, неизменной женской ласки. Если бы мне предоставили в этом отношении выбор, я не пожелал бы лучшей жены, чем моя белокурая соседка, – столько в ней было женственности, грации, шаловливости и заботливости к мужу. Правда, в своей жене я был бы доволен отсутствием одной черты, которая в блондинке мне кинулась в глаза с первых же дней: она читала просто запоем. Каждую свободную минуту, едва оторвавшись от дела, она посвящала книгам, и до сих пор, когда я ее вспоминаю, она рисуется в моих глазах не иначе как сидящей у открытого окна с кисейными занавесками или лежащей в гамаке, в тени старых яблонь, и непременно с книжкой в руке. По манере ее чтения и по легкомысленным переплетам книг я был убежден, что она читает переводные романы. Возвращаясь домой позднею ночью, я всегда заставал в ее окне свет. Вставала она поздно, в то время, когда муж ее, в одиночку напившись чаю, уже уходил в город, и по ее бледному, немного измученному лицу я видел, что она спала плохо и мало.

III

Прошло около месяца. В городе кончились экзамены, и муж блондинки совсем поселился на даче. Целыми днями он возился в своем садике: поливал его, полол, выравнял заступом газоны, стругал какие-то палочки и втыкал их в землю. Почти у каждого человека, где бы он ни служил, чем бы ни занимался, всегда есть маленькая посторонняя слабость, которую он любит гораздо более своего «настоящего» дела: у одного охота, у другого клейка картонажей, у третьего собирание коллекции мундштуков, у четвертого какое-нибудь ручное мастерство. Видно было, что страсть учителя – цветы: так нежно он за ними ухаживал. В комнатах у него я также заметил много горшков с редкими растениями, которые он часто и заботливо вытирал губкою, окуривал, подрезывал ножницами и поливал.

По субботам к соседям приезжали из города знакомые, человек пять мужчин, на вид тоже учителей, с женами и детьми. Видно было, что гости и хозяева составляют давно свыкшееся, сплоченное общество: так все они просто и непринужденно держались друг с другом. Хозяин нанимал пару простых телег, вся компания с шумом и хохотом рассаживалась и уезжала в лес собирать грибы и ягоды. Вечером играли в винт, пели, смеялись и, наконец, оставались на даче ночевать, причем мужчины все до одного лезли на сеновал.

Это была счастливая жизнь, незатейливая, конечно, не богатая, но радостная, свежая, честная, ничем не смущаемая. И чем больше я на нее смотрел, тем более убеждался, что я был прав, избегая с соседями знакомства. Впрочем, с мужем мы уже раскланивались издали. Поводом к этому послужило наше обоюдное вмешательство в вооруженное столкновение, происшедшее на улице между его сыном и маленьким братишкой Ганнуси. Однако наши отношения только одними поклонами и ограничились, но дальше не пошли.

Прошло уже довольно много времени с моего переезда на дачу. Одна за другой отцвели: сначала яблони и вишни, потом черемуха и за нею сирень. Соловьи уже стали прекращать свои ночные концерты. Блондинка по-прежнему читала и хозяйничала, муж ее хлопотал целый день в палисаднике, я ловил окуней и ершей. Знакомство мое с соседями не подвигалось.

Однажды утром к калитке учителя подъехала телега. В телеге сидел плотный, высокий господин, – я никогда не видел его в числе соседских гостей, – по наружности актер или певец: бритый, с целой гривой курчавых волос, с большим квадратным лбом, с крупными складками у углов рта, с высокомерно выдвинувшейся вперед нижней губой, с презрительными глазами под нависшими наискось, как у Рубинштейна, верхними веками. Не видя никого вокруг, приезжий некоторое время сидел молча в телеге и оглядывался по сторонам. На стук подъехавшей телеги из сада вышел учитель в своей синей блузе, с заступом в руке. Закрываясь рукою от солнца, он долго вглядывался в приезжего. Потом они, должно быть, узнали друг друга. Приезжий гибким, сильным движением спрыгнул с телеги, учитель кинулся к нему навстречу, и они расцеловались.

Особенно растроган этим событием был учитель. Он суетился, бросался от своего друга к мужику, снимавшему с телеги чемодан и прочие вещи приезжего, и от мужика опять к своему другу. Наконец они оба, в сопровождении мужика с вещами, пошли в дом, причем учитель вел приятеля, обняв его за спину, и любовно заглядывал ему в глаза. Приезжий был выше своего друга на целую голову; он шел легкой и упругой походкой, свойственной людям, привыкшим к паркету или к подмосткам.

На крыльце их встретила блондинка. По жестам учителя, по церемонному поклону приезжего и по несколько застенчивому движению, с каким блондинка подала ему руку, я увидел, что учитель знакомит жену с своим другом.

«Значит, – подумал я, – актер и учитель не встречались, по крайней мере, лет десять – двенадцать. Если человек решается приехать сюрпризом в семейный дом, он должен быть

в очень близких отношениях к кому-нибудь в семье. Словом, это – друг юности или детства моего соседа, такой близкий и верный, что их дружбы не охладила даже женитьбы одного из них. Только где я его видел раньше, этого актера? Очень знакомая физиономия. А впрочем, может быть, это еще вовсе и не актер».

Однако на другой же день я убедился в основательности моего первого предположения. Перед вечером все трое – и хозяева, и их гость – пили в саду чай. Приезжий что-то рассказывал очень оживленно, с красивыми, изысканными движениями. Вдруг среди рассказа он встал, медленно скрестил руки на груди и опустил голову на грудь, причем лицо его приняло задумчиво-трагическое выражение. Очевидно, он декламировал и, судя по характеру жестов, что-нибудь вроде гамлетовского «Быть или не быть». Учитель и блондинка смотрели на него с напряженным вниманием. Когда он кончил и с деланным красивым бессилием опустился на скамью, учитель несколько раз похлопал ладонью об ладонь, как будто бы аплодируя. Блондинка не шевелилась. Трудно было сказать, какое впечатление произвел на нее монолог, но ее лицо – впрочем, может быть, это мне только так показалось издали – приняло еще более чем когда-либо мечтательное выражение. Актер поселился у моих соседей, и, по-видимому, надолго, потому что привез с собою несколько летних костюмов и целый запас самого разнообразного и самого модного белья. Фамилии – как его, так и его друзей – для меня остались неизвестными. «Паны, тай годи», – отвечали наивно на мои расспросы хохлы. Однако я до сих пор убежден, что актера я раньше видел на сцене и что он принадлежит к числу крупнейших светил русского артистического небосклона.

IV

Два дня учитель не мог достаточно нарадоваться приезду друга, не отходил от него ни на шаг, занимал разговорами, показывал ему в палисаднике свои цветы. А цветы у него действительно выросли великолепные, видно было, что учитель мастер своего дела.

Но через несколько дней, когда радость по поводу приезда друга утратила свою первоначальную остроту и присутствие его в доме стало явлением привычным, жизнь учителя вошла в свою обычную колею. Точно так же, как и раньше, вставал он с восходом солнца, сам приносил в лейке воду из ближайшего колодца и до обеда в своей обычной широкой блузе рылся в клумбах. Зато жизнь его жены заметно переменялась с приездом актера. Вместо прежней белой кофточки с прошивками я теперь постоянно видел на ней нарядные цветные лифы, надетые поверх корсета, с оборками и кружевами. Пышные белокурые волосы, прежде так мило зачесанные назад, теперь познакомились со щипцами и превратились в кудрявую гривку. И даже читала она теперь не более часа в день, потому что все остальное время проводила с гостем. То они ходили рядом по узким извилистым дорожкам палисадника, оживленно разговаривая, то она лежала в гамаке, тихо раскачиваясь и глядя, закинув назад голову, в небо, а он сидел рядом с книгой и читал ей вслух, то, захватив удочки, они отправлялись на берег, и я часто видел их сидящими близко рядом, занятыми разговором и не обращающими внимания на поплавки...

Рассказы актера и разговоры с ним должны были интересовать молодую женщину. Ничто так не привлекает издали людей непосвященных, как рассказы артистов о закулисных тайнах сцены. Я часто видел, как, идя с нею рядом и говоря что-то с красивой и оживленной жестикуляцией, он вдруг останавливался, заставляя ее тоже остановиться и обернуться к нему лицом, и начинал, вероятно, для пояснения своих слов, читать наизусть какой-нибудь монолог. И каждый раз в этих случаях, глядя на его красивую, мощную фигуру, на эффектную пластичность его жестов, я все более и более убеждался, что это далеко не заурядный артист.

Однажды перед вечером я сделал важное открытие: он учил ее сценическому искусству. Он сидел в саду на скамейке перед круглым деревянным столом, на котором обыкновенно пили чай. Она стояла перед ним, точно ученица перед учителем, смущенная, взволнованная, и читала что-то наизусть. Актер слушал, опустив голову вниз, слегка покачиваясь телом и плавно ударя ребром правой ладони по столу.

Когда блондинка окончила чтение, он быстро бросился к ней, схватил обе ее руки в свои и, с жаром пожимая их, что-то заговорил. Должно быть, он выражал свое восхищение. Она отворачивалась и отнимала руки, но он не выпускал их и продолжал говорить, стараясь заглянуть ей в лицо.

Очевидно, блондинка вкусила сладкого яда восторженных похвал артиста, потому что с этого дня я каждый вечер бывал свидетелем происходивших в саду уроков драматической декламации. Был ли искренен актер или нет, я не знаю, но он принялся за занятия с блондинкой самым решительным образом. Муж не мешал им. Случалось, во время урока он подходил к ученице и учителю, слушал минут с пять, заложив руки в карманы, потом с добродушным видом трепал актера по плечу и уходил к своим цветам.

К концу месяца я сделал другое открытие, но гораздо более важное, чем первое. Случилось это также вечером, когда прозрачный воздух уже заметно стемнел и в нем носились с густым жужжаньем июньские жуки. Блондинка лежала в гамаке. Она так глубоко задумалась, глядя, по своему обыкновению, вверх, что не услышала шагов осторожно к ней подходящего актера. Актер подкрался совсем вплотную к своей ученице, оглянулся по сторонам, желая убедиться, не смотрит ли кто-нибудь за ним, и затем, быстро нагнувшись, поцеловал блондинку в волосы. Она вздрогнула, слегка привстала в гамаке, и вдруг, к моему удивлению, вместо того чтобы рассердиться или крикнуть на актера, она нежным движением обвила руками его шею,

притянула его лицо к своему и... пауза в три минуты... Я поспешно отвернулся. Хотя все мною виденное и не касалось меня, но я почувствовал к актеру странную ревнивую зависть.

В этот вечер учитель уехал в город. Блондинка и актер провожали его. Они жали ему на прощанье руку, целовали его и смеялись самым дружеским и беспечным образом. Учитель улыбался им и долго еще, сидя в удаляющейся телеге, кивал головою стоящим у калитки жене и другу детства.

На другой день, встав рано утром и выглянув в окно, я был поражен до такой степени, что сначала не верил своим глазам. Около калитки моего соседа стояла телега, нагруженная вещами, в числе которых я узнал весь багаж, привезенный актером. Вскоре и он сам вышел из дому вместе с блондинкой. Оба были в дорожных платьях. Блондинка казалась утомленной, лицо ее побледнело, веки покраснели, видно было, что она в эту ночь не спала, и вместе с тем она имела вид человека, решившегося на какой-то роковой, невозвратимый шаг. Поддерживаемая под локоть актером, она села в телегу. Следом за ней влез актер и сказал что-то хохлу, сидевшему на облучке. Хохол ударил кнутом лошадей, телега загрохотала по дороге и... вдруг остановилась...

Маленький учитель в золотых очках, бог весть откуда взявшийся, стоял посреди дороги, держа лошадей под уздцы. Вид у него был растрепанный, немножко смешной, но чрезвычайно решительный. Он кричал что-то, чего я не мог расслышать. И вдруг он бросился, как пуля, в телегу, схватил актера за шиворот и выкинул его на землю. Признаться, это было поразительное зрелище. Но дальше было еще страннее. Я ожидал, что актер – этот большой, массивный, величественный и гордый человек – станет драться, сопротивляться или хотя бы, по крайней мере, начнет объяснение. Нет, он побежал вперед с поразительной быстротой, потерял по дороге круглую шляпу и – я заметил это! – все время подтягивал панталоны. Ей-богу, я ожидал всего, даже кровопролития, но не этого театрального эффекта. Но конец всей этой истории меня не только удивил, но растрогал, потряс и почти ужаснул.

Они оба – блондинка и учитель – прошли мимо моих окон, в расстоянии каких-нибудь пяти-шести шагов от меня. И я почти видел, каким счастьем сияли ее глаза, я видел и слышал, как она целовала его учительскую, растрепанную бородавку, и слышал также, как она говорила, задыхаясь:

– Нет, нет, нет! Никогда в моей жизни ничто подобное не может повториться. Он только притворялся мужчиной, а ты настоящий, смелый и любящий мужчина.

Тогда я закрыл окошко и больше за моими соседями не наблюдал.